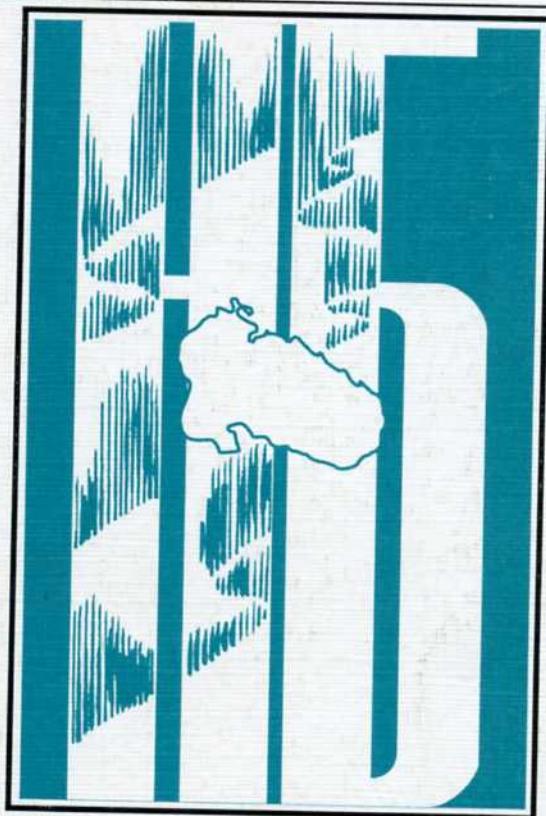

2 2006
АПРЕЛЬ

ISSN 1684-7466

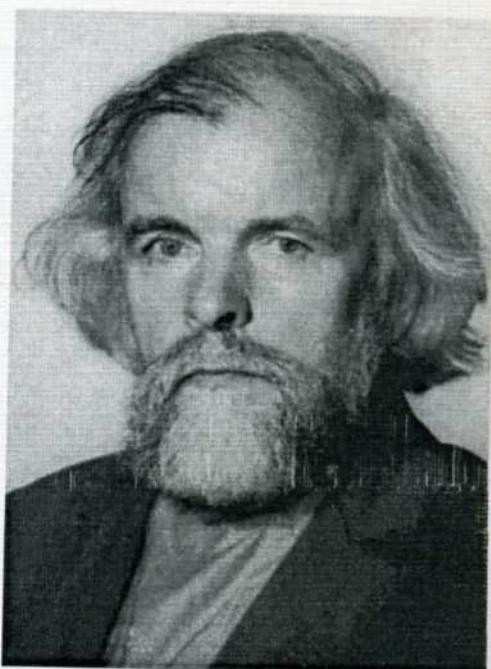
НАУЧНО-
ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

СЕРИЯ
ДУХОВНАЯ
ПРАКТИКА

Д. М. Балашов:
историческая
память

НАУКА
и
БИЗНЕС
на Мурмане

Колокола и колокольные звоны в романах Дмитрия Балашова

Н. П. Большакова

На Руси издавна к колоколам относились, как к живым существам. Если по колоколу ударить кулаком — он промолчит, а если мягко хлопнуть ладонью — отзовется всеми своими обертонами. Иногда достаточно даже просто постоять рядом со старым колоколом, чтобы ощутить исходящее от него тепло, потому как в каждом колоколе заложена своя энергетика еще в пору литья.

Привозили сначала колокола на Древнюю Русь из Европейских государств, а затем русские мастера научились и сами отливать их, при этом превзойдя всех известных мастеров Запада и Востока. Колоколам приписывали способности слышать человеческую речь, чувствовать и переживать. Наверно поэтому колокол имеет свои тулово, оплечье, язык, уши, плащ и юбку. А голос колокола несет в себе гармоничное сочетание сразу нескольких звуков, что зависит от формы чаши, толщины стенок и веса. Чем тяжелее колокол, тем ниже его голос. История знает случаи, когда колоколам вырывали языки, лишая их голоса, отрубали уши, секли розгами, выставляя на позор, а провинившихся ссылали в Сибирь. После Октябрь-

ского переворота колокола умолкли более чем на полвека. Возникает вопрос: так почему же в последние годы у людей так возрос интерес к колоколам и колокольному звону? Почему авторы в литературных произведениях часто обращаются к колокольным звонам? Может потому, что колокола и колокольный звон были частью русского национального характера и неотъемлемой принадлежностью российских храмов, важнейшей и интереснейшей страницей русской культуры.

Существует множество видов и рисунков колокольных звонов: набатный, вечевой, красный, сплошной, осадный, сигнальный, разгонный, отходный, малиновый, будничный, пасхальный, другие. И о каждом из них можно прочесть в романах Дмитрия Михайловича Балашова, замечательного писателя-историка, ставшего классиком в литературе, творчество которого можно назвать поистине набатным. «Серебряным звоном» славят княжеский поезд владимирские колокола в «Симеоне Гордом». В романе «Ветер времени» звучит над Москвой погребальный звон, о чём, впрочем, читаем и в романе «Похвала Сергию»: «Над Москвою, над Кремником тек непрестанный погребальный звон».

Монах-летописец слышит, как «Тяжелые удары колокола звучат над его головою. Хоронят и хоронят! Чейто завтра черед?» И здесь же перед нами предстает и другой «...колокольный звон, — за ним вступили подголоски, и скоро воздух наполнило веселым утренним перезвоном». В романе «Отречение» гул колокола «...нарастал, распадаясь на отдельные заполошные звонь», в «Бремени власти» «...колокола били и били красным праздничным звоном».

Чаще в произведениях Балашова звучит набат — частые многократные удары в большой колокол. И его тревожный звон является призывом к объединению и спасению Руси.

Балашов в своих произведениях не просто описывает колокольный звон. Он им рисует характер предстоящей сцены, как, например, в неоконченном романе «Юрий»: «Вдали ударили с оттяжкой и стоном первый утренний колокол. Звук далеко пролетел в промороженном воздухе, будя эхо и дальние отзывы, пролетел и замер. И тотчас, не давая пропасть звуку, ответили ему россыпью колокола ближних храмов, а там включились дальние, и красный утренний звон, умножая и играя, потек над Москвой, будя округу и приближая рассвет...

...Пели колокола, собирались думы...

И следующий звон, при котором звучание колоколов уже меняется, происходит при кончине отца мальчика княжича, дядька которого, князь Юрий Дмитриевич, не воспринимает наследника как будущего правителя: «...Властью и яро били колокола. Внизу, в столовой горнице, лежал отец, мраморно-холодный, немой и неподвижный, и десятилетнему мальчику сейчас было до ужаса страшно и до ужаса одиноко — впору было завыть».

В этих небольших зарисовках мы видим два характера колокольных звонов: один — поющий «красный утренний звон», другой — властный и яростный.

Знаменитая легенда о граде Китеже, будто бы погрузившимся в озеро Светлояр и таким образом укрывшимся от разорения татарами, нашла отражение во многих произведениях русских писателей. По народной легенде в этих местах можно услышать звон китежских колоколов, а в глубине озера увидеть затонувший город.

Не обошел эту тему и Дмитрий Балашов в романе «Бремя власти». Вот что рассказывает старица в доме ростовского боярина Кирилла: «В Заволжье было то, в лесах непроходимых... Озеро одно, ясное-ясное, и звонь, верным людям одним только и слышимые... Татары, виши, искали полонить, ан Китеж туманом одело... Татарчонок один подбежал к воде, а тамо и зрит: град под водою, и дома, и костры, и церкви Божьи, и звонь колокольные — все по-старопрежнему, виши, как при дедах-прадедах было, и не порушен, и не разорено...»

А вот в романе «Великий стол» писатель обращается к звону в Успение Богородицы — торжественному благовесту. Рисует, как благовестят в праздник коло-

кола, когда город полон людей, пришедших из пригородных сел на богомолье «...в жаре, в волнах солнечного света и пыли, в высоком звоне праздничных колоколов (звонари тут же забили набат) — началось». И далее здесь же у писателя находим нежное обращение к ребенку: «Олфёрушка мой, колокольчик ты мой ласковый!».

В настоящее время во всех уголках России возрождаются, строятся новые церкви и колокольни. Россияне вновь начинают наслаждаться звоном колоколов. Но пожилые люди иногда нет-нет да и скажут: далеко еще новым колоколам до прежних малиновых звонов.

Может это тоска старых людей по своему детству, когда казалось все ярким, замечательным и неповторимым, а может, на самом деле нынешние литейщики не достигли еще того искусства, каким обладали мастера прошлых лет. Ведь недаром и Балашов в романе «Бремя власти» пишет о тайных знаниях сплавов: «Пройдут века, и мудрые люди напишут ученыe книги, и все равно не поймут, не откроют всего, что знали и умели древние колокольные мастера.

Знания тайны огня. Коим чутьем и коими навыками потребно возобладать, дабы сварить и не пережечь гроздно клокочущую стихию? Дабы не стал жесток, не выгорел металл, дабы не ушла из схожего с солнцем жидкого свара тайная и нежная сила звоносного голоса!

...Знания тайны земли, в которой творят, отливают колокольное тело... Но сугубая мудрость тут даже не в самых редких составных литейной земли, сколь в том, какою влажностью должна обладать готовая опока. На ощупь, прикладывая к лицу, внутренним чутьем многолетнего опыта познает мастер ту тончайшую меру, в коей — и только в ней — вся сила литейной земли».

И если в романе «Бремя власти» писатель говорит о знаниях мастеров литейщиков, то в «Симеоне Гордом» читаем уже о только что отлитом колоколе, еще горячем, темно-сверкающем, смотреть который сбирается едва ли не пол-Москвы. Приехал и князь: «От металла шел истомный и душный нутряной жар.

...Симеон подошел к горячему колоколу, тихонько ударил, вслушиваясь в чистый, негромкий, застывающий где-то в глубине звук» и представил, каким он будет «...когда с высоты падут тяжелые звоны и по чистоте, по густоте, по красоте гласа колокольного станет ясен истинный талант колокольного кудесника. И не в пудах веса, не в тяжести сугубая хитрость (хотя и в них тоже!), но иной и зело тяжкий колокол глух и прост, а другой — словно с горных высей песнь херувимскую вещает собою!»

И далее читаем, какой пир был учинен Симеоном в честь сотворения самого большого колокола в Москве и поднятия его на звонницу, когда «...первый малиновый звон необыкновенной красы и силы потек над Москвою, на века означив одну из главных Любовей церковного храмоздательства россиян; дивны были всегда на Руси звонь колокольные!»

В России издавна делали колокола самых разных размеров. Причем нарашивание веса колоколов стало распространяться еще в средние века как знак могущества и богатства церкви. Но были колокола и светские, нецерковные и называли их вечевыми.

О новгородском вечевом колоколе существует много легенд. Слово «вече» прежде всего ассоциируется с Новгородом Великим, хотя существовало вече и во Пскове, и в других древнеславянских городах.

И, конечно же, Дмитрий Михайлович в своих произведениях не мог обойти тему вечевого новгородского колокола, о котором литераторами созданы целые поэтические и прозаические поэмы.

Что же такое вече? О Новгородском и Псковском вече в книге «Лад» прекрасно рассказал писатель Василий Белов: «Вече можно понять, лишь уяснив смысл русского общинного самоуправления. Мирские сходы — практическое выражение самоуправления. Заметим: самоуправления, а не самоуправства. В первом случае речь идет об общих интересах, во втором — о корыстных и личных...»

Ясно, что такое явление русского быта, как сход, несший на своих плечах главные общественные, военные, политические и хозяйственные обязанности, имело и собственную эстетику, согласную с общим укладом, с общим понятием русского человека о стройности и красоте» [2].

В романе «Святая Русь» Балашов упоминает вечевой колокол на Торговой стороне Новгорода. А вот в «Марфе Посаднице» это уже не просто упоминания, это большие описания: «Вверху, на вечевой звоннице, запрыгали люди, и стал раскачиваться тяжелый язык колокола. Вот раздался первый, еще неторопливый удар, второй, третий. Колокол бил все чаще и чаще. Мотаясь под ним, четверо мужиков изо всех сил раскачивали-торопили кованое било»...

В образе еще только раскаивающегося колокола мы уже чувствуем нарастание угрозы, нависшее над свободолюбивой вольницей Новгорода и его жителями. Когда же Балашов, накаляя обстановку, пишет, что «...вечевой колокол раздавался громко и грозно, покрывая встревоженные голоса, чавканье и топот ног, и уже казалось непонятно, как можно было спутать с чем-то другим его зовущий, требовательный голос», этот голос приобретает набатное звучание, отбивающее удары беды: «Сейчас по звуку всплошного колокола ринутся со всех сторон к Детинцу из всех пяти концов черные люди...».

Многие строки в романе посвящены и снятию вечевого колокола с новгородской звонницы, потому что, как бы горожане не чувствовали над собой власть бояр, они не были готовы лишиться вечевого правления, пронизывающего организацию городской жизни сверху донизу, подчиняющей себе все: торговлю, ремесла, суд, школу, дела церковные и мирские... Дмитрий Михайлович пишет: «Колокол было приказано увезти в Москву и повесить на колокольню строящегося Успенского собора. И вот с утра трудились над

ним москвичи. Он не хотел уходить, раскачивался, пробовал крикнуть в голос. Ему вырывали язык. Падая, тот чуть не убил зазевавшегося ратника. Рубили топором перила, разламывали часть звонницы — все равно сносить!

Внизу на оттаявшем снегу толпились суэтливые москвичи, а посторонь, не в большом отдалении, стояли молчаливые толпы новгородцев. Несколько веревок, протянутых к колоколу снизу, то натягивались, то ослаблялись.

— Пошел! Па-а-берегайся! — заорали с звонницы.

Затрещали балки. Колокол дернулся, наклонился, косо рванулся вниз.

— Не разбить бы!

Колокол велено было довезти живым. Ратники сутились, укрепляя тяжи. Один стал обрубать задерживавшие колокол нижние плахи настила. Щепки отлетали, кружась, как листы грамот. Снова раздалось:

— Па-а-берегайся!

Колокол вновь дернулся и опять застрял.

— Не хочет! — сказал кто-то в толпе горожан.

Баба всхлипнула. Мужик оборвал грубо:

— Не реви, дура, все одно теперь!

Худые мужики и жонки, склонившие детей, погибших от моря и голода, молча смотрели на то, как ругаются над их святыней вооруженные пришельцы. Конная московская сторожа теснила народ.

С противоположной стороны вечевой башни полсотни московских ратников удерживали на тугу натянутых веревках опускаемый с другого боку колокол. Ими распоряжался боярин, что сидел верхом на коне, без нужды то понукая, то осаживая жеребца и заезжая то справа, то слева.

— Па-а-шел! — вновь раздалось сверху.

— Бревном, бревном подопри!

— Куда, бл-ны дети! — кричал боярин, взмахнув плетью, когда кто-то из ратных оторвал на миг руку от веревки, чтобы утереть взопревший лоб. — Я те, сукин сын!

Колокол пошел и ударился краем о стену звонницы. Вновь понеслась боярская матерная брань. Колокол, врезавшись острым краем меж бревен, начал крениться. Защевелились венцы. Вновь рубили, кричали, подымали и опускали канат. Всхрапывали лошади, косясь на медное качающееся чудовище. И только толпа стояла в молчании. Лишь тихо плакали жонки, и порой по худой, промороженной досиня на заборолах щеке мужика стекала, прячась в бороде, нечаянная слеза.

Колокол, наконец, лег на землю. Московские ратники подтаскивали волокушу, под уздцы пятали коней, запряженных гусем по четыре в ряд. Лошади путались в упряжи, мотая головами. Когда с помощью ваг и бревен колокол наконец взвалили на волокушу и повезли, плач на площади стал слышнее. Уже многие плакали в голос, причитая, как по покойнику. И пока везли его по городу, взбрызгивая тающий снег, дергая постройки и надрываясь, косматые татарские кони,

А. А. Сергиенко. Набат

Рисунок Д. Балашова «Вечерний звон»

горожане стояли рядами, крестились на колокол и плакали. А некоторые подходили и подбегали, не обращая внимания на окрики, пинки и удары плетью московских ратных, и, сняв шапки, целовали холодный липкий металл.

Колоколу предстоял далекий путь. Он будет проваливаться в ручьи и застревать на дорогах, будет ползти и ползти, пока, наконец, усмиренный навсегда, не будет вознесен на колокольню заодно с колоколами государевыми, и уже не выделится, не закричит, и будет неотличим его голос от прочих голосов колокольных в дружном благовесте московских церквей» [1].

Исследователи XIX века называли вечевой новгородский колокол «корсунским вечником», подчеркивая то, что отлит он был европейским мастером и приемы звона его были принятыми в Европе. Да, впрочем, и сама традиция использовать гражданский колокол наряду с церковными — европейская. Но с уничтожением системы вечевого управления и усилением единой централизованной государственной власти традиция эта ослабевает.

Память! Великий Даль определяет это слово как способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить сознание о былом. Каких только пыток и экспериментов за прошедшие века не устраивали над людьми, чтобы лишить их исторической памяти. Такими людьми легко было управлять. И победы, когда подобными людьми становились одиноч-

ки, но когда правители предпринимали попытки лишить памяти весь народ, — это становилось катастрофой для страны. Новые правители России в 1920-х — 30-х годах, уничтожая памятники старины, церкви и колокола, также предпринимали попытки заставить людей забыть свое историческое прошлое, но слишком переусердствовали, и потому машина, запущенная ими на уничтожение, в конце концов раздавила и их самих.

Читая романы Балашова, мы видим, что к колоколам на Руси относились, как к живым существам. Колокольному звуку приписывалась огромная отвращающая сила от зла и нечистой силы. Люди считали освященные колокола «гласом Божиим» и верили, что их голоса слышны даже в аду, давали под колоколами клятвы, верили в их целительную силу. В народе говорят: икона — это молитва в красках, храм — молитва в камне, колокол — молитва в звуке. Осталось только нам научиться услышать многоголосые молитвенные звонь колоколов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашов Д. М. Марфа-Посадница. — Карелия, 1986. — С. 440—441.
2. Белов В. А. Лад // Избр. пр.: В 3-х т. — М., 1984. — С. 229.